

МОВОЗНАВСТВО

Елена БЕКАСОВА

ЛИЧНОСТЬ М.В. ЛОМОНОСОВА В ОЦЕНКЕ А.С. ПУШКИНА

Аннотация. В статье рассматривается феномен М.В. Ломоносова в оценке А.С. Пушкина. Вдохновение Поэта и достоинство гражданина образованного, позволило А.С. Пушкину не только понять М.В. Ломоносова как великого человека, но и отстаивать его как Поэта и Учёного и устроителя российского просвещения.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, М.В. Ломоносов, российское просвещение, роль личности в истории.

Чтение – вот лучшее учение. Следовать за мыслями великого человека есть наука замечательная.

А.С. Пушкин

Есть многие признаки, которые отличают человека от животного. Но самым главным является память. Слово это глубоко древнее, имеющее широкий круг родственников, которые соединяют память с *мыслью, разумом, мудростью* и даже с самим понятием *человек*. Человечество движется и теми, кто сохраняет эту память для поколений. 300-летняя дата – достойный повод вспомнить об одном из трёх, определённых ЮНЕСКО гениев цивилизации – Аристотеле, Леонардо да Винчи и Ломоносове. Их объединяют не только физическая мощь и многогранность деятельности, позволившей заложить основы новых знаний, ставших поворотным моментом в жизни цивилизации, прорывом в будущее, но и загадка их личности, которую будут разгадывать до тех пор, пока человечество жаждет знаний.

М.В. Ломоносов ближе к нам по времени, но если Леонардо да Винчи стал раскрученным «брендом», то к жизни и творчеству Ломоносова приложима русская поговорка «Что имеем не храним...». Практически утрачена библиотека, архив и часть трудов М.В. Ломоносова, и подлинный, исполинский размах его личности ещё не оценён. Всё это обуславливает актуальность исследований, в той или иной степени раскрывающих феномен М.В. Ломоносова, которого, к сожалению, отечество не оценило и в 2011 году. Цель данной статьи – показать величие личности М.В. Ломоносова, акцентируя внимание на оценке его заслуг перед Отечеством другим гонимым гением – А.С. Пушкиным. Это тем более актуально сейчас, когда для России 300-летняя дата устроителя просвещения и наук оказалась простой формальностью, которую уж никак не обойдёшь, что и вылилось в несколько привычных юбилейных фраз и небольшой научно-популярный фильм. Не обошлось и без так любимых российскими СМИ «жареных фактов» – и вот готов портрет Ломоносова, любителя кутежей, растратчика ка-

зённых денег, пьяницы, скандалиста и драчуна, притеснителя немецких «учёных». После этого начинаешь сомневаться – а был ли «наш первый университет»? когда ж ему, дебоширу и алкоголику, наукой заниматься и устраивать российское просвещение? Но и здесь у вездесущих СМИ есть объяснения: Ломоносов – внебрачный сын Петра I, отсюда и все столь любезные им подробности обстоятельств не только рождения Михайлы скорее Петровича, но и его научного взлёта, поэтому и в Славяно-греко-латинскую академию, а тем более на учёбу в Германию Ломоносов попал благодаря своему происхождению, но отнюдь не как исключительно способный молодой человек... Поистине для России нет пророка в своём отечестве!

То, что в других странах является национальной гордостью и достоинством, стало предметом глумления. То, что другие народы пытаются исправить, восстановив историческую справедливость, воздать дань своим до сих пор не оценённым соотечественникам, забыли, чернят с избыточной энергией и неистребимой радостью. К сожалению, в этом случае справедливы слова В.В. Колесова о том, что в России присвоили себе отношение иноземцев к своей истории и славе, которое «основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде перед этою самостоятельной силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов, отказать нам в этом праве они не могут, но и смириться с тем – тоже» [1: 6].

В своё время о таких иноземцах писал А.С. Пушкин: «Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории её, ни славы её. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших рукописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь

современниками, издеваться над гробами праотцов» [7: 214]. Однако сейчас уже и соотечественники в этом преуспели: мы потеряли «первый признак ума просвещенного» – «уважение к именам, освящённым славою» [7: 215], а вместо этого получили растёкшиеся в информационном пространстве «дикость, подлость и невежество», которые «не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим» [7: 191]. В случае с М.В. Ломоносовым всё усугубляется его мужицким происхождением, его великим и свободолюбивым нравом, жадной служить великим целям, неудобством его грандиозной личности, неспособной притворяться, льстить, прогибаться под так называемых «сильных мира». И это остро чувствовали во все времена – и в политесном XVIII в., и в пролетарском государстве, и в век научно-технической революции. Ломоносов так и остался «мужиком в парике».

После смерти гений, так много сделавший для русской науки и русского просвещения, был отмечен только одним панегириком, и то напечатанным во Франции на французском языке в журнале *L'Année littéraire*, где покровитель М.В. Ломоносова граф А.П. Шувалов пишет о гениальном одиночке в дикой стране, великом поэте – преемнике германских поэтов, облаканном императрицами и меценатами. В конце, правда, было добавлено, что «к славе великого поэта он присоединяет звание удачного прозаика», указывая на его бессмертное похвальное слово Петру I [5: 139–140].

Только в семидесятые годы XVIII в., благодаря статьям Н.М. Новикова и особенно «Слову похвальному Михайле Васильевичу Ломоносову» М.Н. Муравьева, заговорили о великом учёном, поэте и человеке. В 80-е годы даже Екатерина II для доказательства того, что благоденствие народа, его культура и язык зависят от государей, прибегла к авторитету Ломоносова.

Не случайно А.Н. Радищев заканчивает своё «Путешествие из Петербурга в Москву» «Словом о Ломоносове», где даётся биография того, «кто жил во славу России», но где он прославляется как придворный – Елисаветинский, иногда Шувалова певец. При этом Радищев отвергает Ломоносова как дееписателя (историка) и естествоиспытателя – «он скитался путями проложенными, и в бесчисленном богатстве Природы не нашёл ни былинки», за исключением «преследования электрической силы», но и тут, в отличие от иноземных зодчих, Ломоносов был «рукодел» [6: 329].

Однако великую личность может оценить только достойный сын Отечества. Таким был великий Поэт А.С. Пушкин. Пронзённый величием российского гения, он собирал материалы для его биографии, читал его письма И.И. Шувалову, М.И. Воронцову, отчёты и другие документы, близко знал правнучку Ломоносова – Марию Николаевну Волконскую, жену декабриста С.Г. Волконского, дочь героя Отечественной войны 1812 г. генерала Н.Н. Раевского. А.С. Пушкин был уверен,

что «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» [7: 90].

А.С. Пушкин, купивший за 200 рублей экземпляр запрещённой Радищевской книги (как свидетельствуют современные исследователи, принадлежащий самой Екатерине II и с её пометами), создаёт своё «Путешествие из Москвы в Петербург» (1834 г.), а в 1836 году пишет статью «Александр Радищев», которую заканчивает приговором – «нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви» [7: 327]. Неприятие взглядов А.Н. Радищева во многом было обусловлено и полемикой в оценке М.В. Ломоносова.

По мнению А.С. Пушкина, А.Н. Радищев нанёс «удар неприкосновенной славе русского Пиндара», но «прикрыл это уловками уважения» и безумно «дерзко обошёлся со славою Ломоносова»: «Он более тридцати страниц наполнил пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматике, чтоб в конце своего слова поместить следующие строки: «И мы не почтём Ломоносова, для того, что не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпосе, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда был пронизан телен в суждениях, что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей» [7: 270].

А.С. Пушкин оценивает М.В. Ломоносова как величайшего гения, отказываясь, как и его великий предшественник в «Слове похвальном Петру I», от сравнений с кем бы то ни было. К чему эти прозвища? Пушкин возмущён, что А.Н. Радищев видит в М.В. Ломоносове «лорда Бекона»: «Таковое странное понятие имел 18-й век о величайшем уме новейших времён, о человеке, произведшем в науках сильнейший переворот и давший им то направление, по которому текут они ныне. Ломоносов есть русский Ломоносов – этого с него, право, довольно» [7: 279].

А.С. Пушкина не только поражал тот жар, с которым М.В. Ломоносов говорил о науках и просвещении [7: 271], но он уже знал цену «великому человеку» и защищал его от всех «изворотов» и нападок, в том числе в своеобразной полемике с А.Н. Радищевым. В доказательство величия Учёного и Поэта А.С. Пушкин приводит многостраничный рапорт М.В. Ломоносова графу И.И. Шувалову о своей работе с 1751 по 1757 гг. [7: 271–275], следуя уже указанному М.В. Ломоносовым направлению: «великий сей муж ни от кого лучше похвален быть не может, кроме того, кто подробно и верно труды его исчислил, есть ли бы только исчислить возможно было» [4: 262].

А.С. Пушкин высоко ценил энциклопедический характер интересов, познаний и свершений М.В. Ломоносова, универсальность его неистощимых талантов, проникающие и обогащающие друг друга знания – неразделимость его трудов по химии, физике, географии, экономике, истории, литературе, языку – во всём многообразии научных и гражданских проявлений и человеческих чувств.

Деятельно сострадательный М.В. Ломоносов близок А.С. Пушкину: «Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана!» [7: 275]. 26 июля 1753 г., в день смерти профессора Рихмана, М.В. Ломоносов обращается к графу И.И. Шувалову с просьбой выдачи денег его вдове и детям – «за такое благодеяние господь вас наградит, и я буду больше почитать, нежели за свое» [3: 112], а затем, через месяц (30 августа), М.В. Ломоносов пишет М.И. Воронцову, уже с укорами и обвинениями: денег не выделили, хотя другие незаслуженно их получали, а у «Рихмановой вдовы и за этот день жалованье вычтено, несмотря на то, что он поутру был в Собрании» [3: 114].

Для А.С. Пушкина М.В. Ломоносов – «великий сподвижник Петра» I [7: 137]. Он, «к счастью, явился», когда в нём нуждался язык, литература, отечество: «Ломоносов великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» [7: 270]. К этому одному из самых сильных определений феномена М.В. Ломоносова А.С. Пушкин добавляет своё восприятие великого человека: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силой понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник» [7: 137].

Полемизируя с А.Н. Радищевым, А.С. Пушкин объясняет и своеобразие поэзии М.В. Ломоносова. Для А.С. Пушкина он, несомненно, «росский Пиндар», «один истинно классический» стихотворец и прозаик, хотя «у Ломоносова оспаривали (весьма неосновательно) титул поэта... ныне вошло в обыкновение хвалить в нём мужа учёного, унижая стихотворца» [7: 343]. Безусловен вклад М.В. Ломоносова и в филологию – русистика и литературоведение начинаются с М.В. Ломоносова. Он «первый открывает нам истинные источники нашего поэтического языка» [7: 137], но «науки точные были главным и любимым его занятием, стихотворство иногда забавою, но чаще должностным упражнением» [7: 138].

Возмущён А.С. Пушкин и Радищевским укором М.В. Ломоносова в лесте [7: 276], тем более что проблема достоинства и подлости им затрагивается постоянно в статьях и письмах. Для А.С. Пушкина оды М.В. Ломоносова – продолжение традиции, идущей от знаменитого «Слова о Законе и Благодати» (1037–1043 гг.) митрополита Илариона, – прославление не власти предрежащих, а великих дел и людей, поучение царей.

А.С. Пушкину очевидно, что дело не в том, что М.В. Ломоносов называет графа Шувалова своим благодетелем, графа К. Разумовского величает Полидором, а «его сиятельство граф М.Л. Воронцов, по своей высокой ко мне милости, изволил взять от меня мозаических составов для показания

её величеству» [7: 276]. Он подробнейшим образом разъясняет современникам подобный феномен соединения у М.В. Ломоносова благодарности и чинопочитания, свойственных XVIII в., и необыкновенно развитого чувства достоинства: «Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал высить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния. Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, представителю «мус», высокому своему патрону, который вздумал было над ним пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у Господа моего бога дураком быть не хочу».

В другой раз, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!» «Нет, – возразил гордо Ломоносов, – разве Академию от меня отставят». Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий!» [7: 276].

А.С. Пушкин хорошо понимает, что Михайло Ломоносов был «иноного покроя», нежели Сумароков, Державин и другие, «он везде был тот же: дома, ...во дворце, ...в Академии» [7: 275]. И многим было трудно находиться с ним рядом, а тем более соответствовать высокой планке требований великой личности, которая своим притеснителям открыто пишет: «За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю» [3: 331].

Сам М.В. Ломоносов в предлагаемом им регламенте Академии наук требует «дружбы и согласия», «пристойного почтения и законного почитания», считая, что это приведёт к «беспрепятственному приращению наук» [3: 43]. Но при этом о себе писал: «Говорю как думаю, а не как кошки, которые спереди лижут, а сзади царапают. Никогда по чистой своей совести не останусь лживым человеком» [4: 137]. Более того, М.В. Ломоносов не только ставит диагноз российской ментальности – феномен неистребимой зависти ничтожных достойным и самодостаточным, но и открыто пишет в письме графу И.И. Шувалову: «я все свои силы употребляю, чтобы те, которые от усердия велят быть предосторожну, были обо мне беспечальны, а те, которые из недоброхотной зависти толкуют, посрамлены бы в своём неправом мнении были и знать бы научились, что они своим аршином чужих сил мерить не должны, и помнили б, что музы не такие девки, которых всегда изнасиловать можно» [4: 324].

Чувство достоинства великого М.В. Ломоносова поддерживало и А.С. Пушкина в трудную минуту, и уже А.С. Пушкин пишет жене: «Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком, ниже у господ» [7: 626].

Поведение М.В. Ломоносова со своими покровителями не в пример более достойно, чем современное А.С. Пушкину ханжество: «Ныне последний из писак, готовый на всякую частную подлость, громко проповедует независимость и пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми расстилается в их кабинете» [7: 277].

Низкое происхождение Михайлы Ломоносова у А.С. Пушкина, дворянина с богатой родословной, не вызывает никакого отторжения. Это реальность европейских государств, о которой мечтал Ломоносов: «там студент тот почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды» [3: 346]. И теперь А.С. Пушкин убежденно заявляет: «Имена Минина и Ломоносова вдвоём перевесят, может быть, все наши старинные родословные» [7: 216].

«Изнанчив» из глубин России, Ломоносов чудесным образом сумел в век просвещения приобщиться к образованию, куда допускались только дворяне. Это был последний рыбок Петровской эпохи, где не сан, а природное дарование и усердие открывали двери к науке. И символично, что именно заступничество сподвижника Петра I Феофана Прокоповича спасло исключительно способного и прилежного Ломоносова от кары за дачу ложных показаний о своём происхождении.

Действительно, «великий муж может родить великого мужа» (А.Н. Радищев). И в оценке великого Петра I два великих сына России оказались весьма близки, в том числе и текстологически: «Основатель и строитель, весь в поте, в пыли, в дыме, в плавании» – «на троне вечный был работник»; «тогда отворились широкие врата» – «в Европу прорубил окно» и под.

Идея служения русскому просвещению подерживалась богатырским физическим и нравственным здоровьем М.В. Ломоносова, верой во «всемогущий промысел, который не лишил меня дарования и прилежания в учении, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дорого» [4: 330]. В обличительном письме к Г.Н. Теплову в 1759 году, когда вместо «расширения наук в России» «злодеи ободряются, а добрые унижаются», М.В. Ломоносов объясняет, почему он не может сделать «неправое дело» – взять в адъюнкты двух нерадивых студентов, родственников Г.Н. Теплова: «Поверьте, ваше высокородие, я пишу не из запальчивости, но принуждает меня из многих лет изведенное слёзными опытами академическое несчастье. Я спрашивал и испытывал свою совесть. Она мне ни в чём не зазрит. Я бы охотно молчал и жил в покое, но боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла» [4: 330]. Поэтому М.В. Ломоносов стучал во все двери, взывал, доказывал, умолял – и без устали, неистово работал. Но и «упражнения в пользу отечества» нужно было вымалывать: у императрица часы «в покое и в уединении от хлопот, бывающих по

должности», а у бога – «часы, свободные от болезни» [4: 442]. Как величайшую милость выпрашивает М.В. Ломоносов у графа И.И. Шувалова соизволения на совмещение описания «древности российского народа» с несколькими часами для физических и химических опытов, которых покинуть нет «ни нужды, ниже возможности». Он пытается объяснить интеллектуальному вельможе, что «всяк человек требует себе от трудов упокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостями или домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами», но Ломоносов в этом не находит «ничего, кроме скуки», поэтому вместо «бильярду» просит позволения на занятие наукой [4: 322].

Многочисленные записки об исправлении, установлении, об устройстве и уставе Академии наук, о служебных преступлениях и упущениях, об учреждении лабораторий, об обязанностях журналистов и под. – вот ещё одна стезя М.В. Ломоносова. Он не мог себе позволить спокойно размышлять и трудиться в тиши кабинетов и дворцов, его страсть к наукам нередко восполнялась в ночные часы, после битв с Таубергами, Миллерами, Шумахерами и Тепловыми, которые «подсовывали взамен самой науки её призрак» [3: 55]. Но ещё страшнее – ему, несправедливо оклеветанному врагами, приходилось оправдываться перед своими друзьями и скрывать от них своё служенье делу, чтобы не оскорбить их личные чувства (см., например, письма к Л.Эйлеру [4: 332–333] и Г.Ф. Миллеру [3: 117–118]).

Даже в служебных документах М.В. Ломоносова, естественных как дыхание, отзвуки страсти, надежды, разочарования, гнева, радости, скорби. Всё одушевлено его мощной энергией: «За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра I, чтобы выучились россияне, чтобы показали своё достоинство... За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве» [3: 160]. Читать их больно: притеснение таланта, посягание на истину, честь, свободу, отторжение всего русского и российского, царствование надменности, бездарности, иноземного высокомерия и безразличия. Действительно, когда «злодеи ободряются, а добрые унижаются, то всему добру вред чинится... всё отечество страждет» [4: 329]. Это было знакомо и А.С. Пушкину. В статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830 г.) А.С. Пушкин, не отказываясь совершенно от права самозащиты» [7: 205], называет две причины, почему он не отвечал своим критикам – их голословные утверждения, откуда «их никак не выманишь», и леность, но из-за «несносных часов карантинного заключения» он берётся за перо, однако «глупее сего занятия отроду ничего я выдумать не мог» [7: 207]. А.С. Пушкин мог встать над суетою толпы, уединиться в Болдино, бродить по полям и лесам в Михайловском, пировать с друзьями. Он понимал, что будущим его читателям и почи-

тателям неважно, «ползаю ли я в ногах сильных или я с ними даже не кланяюсь» [7: 220]. Он был Поэт и знал – «хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца».

Но М.В. Ломоносову надобно было оспаривать, ибо отступать было некуда – за ним было российское просвещение. Он понимает, что «главные причины худого академического состояния: первая – искание и получение правления Академическим корпусом от людей мало учёных, вторая – недоброхотство к учащимся россиянам в наставлении, в содержании и в произведении» [4: 349], могут быть устранены только им, «страшной колючкой в глазу» [4: 333] противников российского образования. Поэтому М.В. Ломоносову должно было доказывать свою правоту и отвечать даже таким, как Тауберг и Теплов – опасным «противоборникам», ратующим за «освобождение Академии от Ломоносова». Ему надобно было сражаться с «шумахершиной», потому как знал все её последствия для русского просвещения и с горечью понимал, что «один в поле не воин»: «иногда Ломоносов до слёз доходил», когда видел разорение просвещения [3: 397], и «на словах не могу за слезами донести» [3: 55] того, как «виновный оправдан, правый обвинён. Ломоносов осуждён!» [3: 129].

И уже А.С. Пушкин ставит диагноз «шумахершине»: «В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти учёных произведениях, отсутствие труда. Ныне так называемые учёные принуждены заменять существенные достоинства изворотами более или менее удачными: порицанием предшественников, новизною взглядов, приношением модных понятий к старым давно известным предметам и пр. Такие средства (которые в некотором смысле, можно назвать шарлатанством) не подвигают науки ни на шаг, поселяют жалкий дух сомнения и отрицания в умах незрелых и слабых и печалят людей истинно учёных и здравомыслящих» [7: 389].

Ростки неустроения Академии наук дали свои всходы в XIX в., и А.С. Пушкин наблюдает, как «дружина учёных и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах на просвещение, на всех приступах образованности» [7: 220].

При М.В. Ломоносове в нарождающемся российском просвещении со всей очевидностью проступали изъяны – нищета учёных и учителей, их неравенство перед другими профессиями, перспективы чиновнической карьеры и безысходность научной стези, преклонение пред всем иноземным, обогащение за счёт просвещения народа отдельных чиновников от науки, травля и утеснение достойных посредственностью. «Яснее сие понять можно, что Шумахер неоднократно так отзывался: я-де великую прошибку в политике своей сделал, что допустил Ломоносова в профессору. И недавно зять его, имения и дел и чуть не Академии наследник, отозвался в разговоре о произведении

российских студентов: разве-де нам десять Ломоносовых надобно? И один-де нам в тягость» [4: 342].

«Исполин страсти к науке» на стезе служения отечеству и российскому просвещению испытывал и горечь поражения: «Итак, все мои будущие и бывшие речения тщетны. Бороться больше не могу: будет с меня и одного неприятеля, то есть недужной старости» [3: 145].

Щемящей безысходностью проникнуты «Стихи, сочинённые на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же» [4: 297]. Такое название одного из лучших лирических творений М.В. Ломоносова неслучайно: глубина философского восприятия смысла человеческой жизни произрастает из унижительной необходимости отстаивать великое дело российского просвещения великим человеком:

*Кузнечик дорогой, коль ты блажен,
Коль больше пред людьми ты щастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истинне ты перед нами царь:
Ты ангел во плоти иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поёшь, свободен, беззаботен;
Что видишь, всё твоё; везде в своём дому;
Не просишь ни о чём, не должен никому.*

В июле 1762 года М.В. Ломоносов пишет Екатерине II прошение об отставке, где кратко характеризует свою деятельность за 31 год, но «невзирая на ревностную и беспорочную службу для приращения наук в отечестве близ 12 лет в одном чину оставлен я и обойден многими, меня младшими в светских чинах, и тем приведен в великое уныние, которое болезнь мою сильно умножает» [3: 147]. Однако всегда, даже в «недужной старости», М.В. Ломоносов не сдаётся: «Но я себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь 20 лет; стоял за них смолода, на старость не покину» [4: 332], потому как «врождённая моя любовь и ревность к отечеству и наукам ... всего чувствительнее в моём сердце» [4: 329]. Доказательством тому служит составленный М.В. Ломоносовым за месяц до смерти «План беседы с Екатериной II» (26 февраля – 4 марта):

1. Видеть Г[осударыню]. 2. Показать свои труды. 3. Может быть, понадобится. 4. Беречь нечего. Всё открыто Шлёцеру сумасбродному. В Российской библиотеке есть больше секретов. Вверили такому человеку, у которого нет ни ума, ни совести, рекомендованному от моих злодеев. 5. Приносил его выс[очеству] декларацию. Да всё! и места нет. 6. Нет нигде места и в чужих краях. 7. Все любят, да шумахершина. 8. Multa tacui, multa pertuli, multa concyssi [многое принял молча, многое снёс, во многом уступил]. 9. За то терплю, что стараюсь защитить труды П[етра]

В[еликого]. Чтобы выучились россияне, чтобы показали своё достоинство pro aris est [за алтари]. 10. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют. 11. Ежели не пресечете, великая буря восстанет [3: 160].

Достойный сын отечества, А.С. Пушкин не только пожалел о М.В. Ломоносове и продолжил великое дело совершенствования языка и литературы, но и защищал его как Поэта, Учёного, Личность, уважал как Великого Человека

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Домострой без домостроевщины // Домострой. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 5–24.
2. Кулакова Л.И., В.А. Западов. А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Комментарий. Пособие для учителя. – Л., Просвещение, 1974. – 256 с.
3. Ломоносов М.В. Избранная проза. М.; Сов. Россия, 1980. – 519 с., ил., 1 портр.
4. Ломоносов М.В. Избранные произведения: В 2-х т. – Т. 2. История. Филология. Поэзия. – М.: Наука, 1986. – 496 с.
5. М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников // Сост. Павлова Г.Е. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 342 с.
6. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева: факсим. изд. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
7. Пушкин А.С. Собрание сочинений в пяти томах. — Санкт-Петербург: Библиополис, 1994. – Т. V. – 708 с.

Elen Bekasova

The person of M. Lomonosov in A.S.Pushkin's estimation

Summary. In this article is considered M. Lomonosov's phenomenon in A. Pushkin's estimation. The inspiration of the Poet and advantage of the citizen formed has allowed A. Pushkin not only on the basis of documents to understand M. Lomonosov as the great person, to defend it as the poet and the scientist, to define it as the organizer of the Russian education.

Key words: A. Pushkin, M. Lomonosov, the Russian education, a role of the person in the history.